

Комаровские

«Сердце Посада – Лавра. Закрытая в первые годы революции, она оставалась основным стержнем и смыслом существования городка... Безмолвные соборы и церкви, тихие аллеи, корпуса Академии, башни и монастырские стены, отразившие польское нашествие, замкнулись теперь и жили своей внутренней жизнью, храня святость и вековое величие...

Продолжали только движение огромные часы на колокольне. Каждые четверть часа они оповещали город о том, что время еще не кончилось, и жители сверяли свои ходики и будильники с боем лаврских часов. Лавра была пустынной. Говор богомольцев и шумные толпы экскурсий не нарушали в те годы ее тишины. Пустынными и еще незаселенными оставались кельи монахов и жилые корпуса Академии. Лишь пять или шесть сторожей-монахов бесшумно бродили вокруг соборов, следя за целостью замков и содержанием всей территории Лавры в чистоте и порядке. Не желая мозолить глаза начальству, они были одеты в полуштатское одеяние: зимой в валенки, полушубки и малахаи неопределенной формы; а летом в сапоги, брезентовые плащи и картузы, под которыми они старались спрятать пучки длинных волос. Все они были очень приветливы и расплывались в доброй улыбке, если кто-то подходил к ним под благословение».

Такой увидел Лавру девятилетний Алексей Комаровский, приехавший с родными в Сергиев Посад осенью 1923 года.

Поселились Комаровские в олсуфьевском доме на Вальной улице - Мансуровы, жившие на первом этаже, потеснились и отдали Комаровским часть помещения, а Олсуфьевы предоставили Владимиру Алексеевичу Комаровскому (1883–1937) самую светлую комнату на втором этаже под мастерскую – Комаровский был художником. Все три семьи были родственны: С.П. Мансуров и граф В.А. Комаровский – двоюродные братья, женатые на родных сестрах Самариных – Марии Федоровне и Варваре Федоровне, а Софья Владимировна Олсуфьева приходилась Самариным двоюродной сестрой.

Олсуфьев и Комаровский дружили со студенческих лет. Оба они учились в Петербургском университете на юридическом факультете, вместе путешествовали по Италии, изучая памятники архитектуры и искусства. Правда, Комаровский ушел с третьего курса, желая посвятить себя всецело живописи, которая составляла «единственный интерес» его жизни, и поступил в Академию художеств, потом учился живописи в Париже.

Они снова сблизились, когда Олсуфьев занялся строительством храма - памятника Преподобному Сергию Радонежскому на Куликовом поле. Иконы для храма он заказал Комаровскому, который с 1911 года начал работать как иконописец. Летом 1910 года Владимир Алексеевич стал свидетелем открытия в Петербурге древнерусской иконы – в то время несколько записанных древних икон были расчищены и выставлены в музее. Это событие произвело на него огромное впечатление и повлияло на всю последующую жизнь.

Первый заказ он получил на создание вместе с художником Д.С. Стеллецким иконостаса для церкви в имени графа А.О. Медема под Хвалынском. Эта работа была для него ученической. К тому же художник находился под влиянием Стеллецкого,

которого Павел Флоренский назвал стилизатором. После копирования икон в Русском музее, для чего он ездил в Петербург, он и сам понял, что первая его работа была неудачна.

Иконы для храма на Куликовом поле Комаровский закончил к лету 1914 года. Получив их, Олсуфьев дал телеграмму: «Сегодня открыли иконы, поражены красотой...». Это было не повторение древних образцов и не стилизация, а самобытное религиозное искусство.

Началась Первая мировая война, и Комаровский в 1915 году оказался на Кавказском фронте, где работал вместе с Олсуфьевым и Мансуровым во Всероссийском Земском Союзе по организации походных санитарных отрядов.

После революции семья Комаровских поселилась в подмосковной самаринской усадьбе Измалково (близ нынешней станции Переделкино Киевской железной дороги). По их приглашению там же поселилась семья Осоргиных – Елизавета Николаевна Осоргина, урожденная княжна Трубецкая, была теткой Варвары Федоровны Комаровской. Ее дочь, Мария Михайловна, сделала много графических портретов обитателей усадьбы. В усадьбе жила также подружившаяся с Комаровскими на Кавказе семья Истоминых. Бывали в гостях Мансуровы, Самарины, Трубецкие и многие другие люди, связанные родственными и дружескими узами с хозяевами. Зимой 1920/21 г.г. в усадьбе скрывался от ареста Павел Борисович Мансуров.

Измалково Самарины купили в 1829 году – так понравилась им эта местность. М.Ф. Мансурова вспоминала: «Измалково было лесное имение в 20 верстах от Москвы... Дом в 30-м году был нов и свеж. Деревянный, двухэтажный, с двумя террасами, он был просторен и удобен для большой семьи Самариных. Построен был дом «покоем» – выступы были обращены на юг. Северная терраса, устланная каменными плитами, своими шестью колоннами подпирала верхний открытый балкон. Песчаный спуск во всю ширину террасы переходил в луг, тянувшийся к северу, спускаясь до самого пруда. Справа и слева, стеной подступая к лугу, деревья парка, не доходя до пруда, слегка сближались с двумя группами лиственниц. Своими вершинами возвышаясь над уровнем парка, сближаясь, но не смыкаясь, лиственницы в торжественной задумчивости сторожили его внутренний мир, открывая взору пруд с деревней и за ним – темную полосу леса. Сосредоточенная в своем содержании южная сторона, предстоящая дому, не уводила вдаль. Передняя с парадной дверью на ступени подъезда находилась в западном выступе дома с южной его стороны.

После песчаной площадки во всю ширину дома – правильный круг, заросший травой, с пятью клумбами. Песчаным кольцом охватывали круг две дороги, за кругом против дома смыкаясь в короткую аллею въезда, выходящую на дорогу между двух каменных столбов. Дремучей стеной обступали круг с его кольцом деревья. У подножия – стволы тонули в дебрях подлеска – вверху соборно теснились вершины, взлетая одна другой выше. И здесь, выше всех вершин царственно возвышались в своих легких очертаниях вершины лиственниц.

Подобно храму был этот замкнутый в себе мир круга, так близко от дома предстоявший в торжественной тишине.

От восточной стороны круга начиналась липовая аллея, недлинная и очень утоптанная – она приводила к очень небольшой каменной церкви елизаветинского времени во имя Святого Дмитрия Ростовского. За церковь – большая липовая роща занимала все пространство до восточной границы парка. Липы этой рощи и липы аллеи (их было шесть) подстригались при прежних помещиках...

На запад от дома был хозяйственный дворик, весь заросший травой, солнечный и веселый. Был там ветхий поэтический флигель с крылечком, служивший для зимних приездов хозяев. И за спиной флигеля проходила запущенная липовая аллея – парная к аллее, ведущей к церкви. Напротив – домик, где жил управляющий, в нем же помещалась наша кухня с огромной плитой. Дальше – вся кустами белой сирени – прачечная с помещением для прачки и повара. За прачечной – царство уток, заросший илом прудик с двумя плакучими ивами. Среди двора был колодец (с журавлем), деревянный сруб над погребом, курятник и будка для ночного сторожа. Скотный двор был совсем отдельно и далеко.

Все хозяйствование в Измалкове было просто, скромно, безопасно и примитивно. Мало занимая хозяев, оно шло непринужденно и без напряжения, в руках довольно свободных слуг.

Был в парке дуб, посаженный Федором Васильевичем (Самариным. – Т.С.). В наше время уже старый, обведенный железным кольцом и окруженный скамейкой. Он был серединой небольшого песчаного круга. Четыре дорожки соединяли эту площадку с ближайшей клеткой аллеи. Обсаженное кустами спиреи, жимолости и шиповника, очень защищенное и радостное, это место, как комната, служило нам для летних занятий. Туда приходили мы в детстве с книгами, рукоделием, читали, вышивали, учили стихи...

Многоликим был задумчивый измалковский парк, неповторимый по своему содержанию. Были в нем и ласковые лужайки в шелковых переливах июньских трав с небесной лазурью незабудок...»

Такой была усадьба во времена детства и юности сестер Самариных – Марии Федоровны и Варвары Федоровны. А после революции жили обитатели усадьбы в основном огородам и продажей вещей. Владимир Алексеевич еще преподавал рисование крестьянским детям – школа помещалась во флигеле. Расписывал также для Кустарного музея в Москве шкатулки и подносы.

В сентябре 1921 года Комаровского арестовали. Он не стал скрывать своих взглядов, заявив на допросе, что он «сторонник монархического образа правления, не ограниченного какой-либо конституцией». Отвечал совершенно правдиво и, в частности, заявил: «На вопрос, могу ли я оказать подлинное фактическое содействие сродственной мне по убеждениям политической организации по борьбе с Советской властью, не могу дать определенного ответа, ибо все зависит от окружающих внешних условий».

В январе 1922 года его освободили. Возможно, имело значение то, что письмо в ВЧК в его защиту подписали крестьяне, чьих детей он учил в школе. Но дело, как стало понятно в дальнейшем, сохранилось, и при всех последующих арестах его обвиняли в монархизме. Усадьбу отдали под детский санаторий. Хозяев сначала переселили в одну

комнату, а осенью 1923 года выселили совсем. Тогда они и приехали в Сергиев Посад, в дом Олсуфьева с детьми Алексеем, Антониной и Софьей.

Старшему, Алексею, больше всего запомнилось, как ходили в скиты. Он писал, что после закрытия Лавры, основным духовным центром стал Гефсиманский скит. Раньше он был закрытым монастырем, в него не допускались женщины, "там жили монахи, которые стремились к уединению, тишине и внутренней сосредоточенности, которым было трудно в Лавре с ее многолюдством и торжественностью. В мое время скит был уже открытым монастырем, доступным для жителей Посада и приезжих богомольцев...

В скитскую церковь нужно было подняться по крутой скрипучей лестнице, размещенной в притворе. Оттуда вы попадали в полумрак просторной западной половины церкви. Из-за слабого освещения и большой площади она казалась несколько придавленной. Впереди (в восточной половине) больше света давала высота. В паникадилах мерцали разноцветные лампы. Ближе к алтарю стояли монахи, а уж за ними, не нарушая монастырского строя, миряне. Вдоль всей западной стены, на приступке, стояли согбенные, очень старые монахи, часть из них – схимники. Их черные мантии сливались с темным фоном стены. Мне, мальчику, они казались не живыми, а изображениями святых, рельефно выступающими из стены. Служба совершалась по строгому монастырскому чину, без суеты и шныряния служек туда-сюда, в молитвенной сосредоточенности всех предстоящих. Служил обычно один монах и один иеродиакон. На правом и на левом клиросах пели два прекрасно спетых монашеских хора с канонархом. В определенные моменты службы оба хора сходились в середине церкви и составляли единый величественный мужской хор. О красоте напевов и говорить нечего... Игумен монастыря, о. Израиль, был очень музыкален и ревностно следил, чтобы в хоре пели монахи с хорошим и слухом, и голосами...

Жизнь скита продолжалась сравнительно долго. Не помню, в котором году, вероятно в двадцать седьмом или двадцать восьмом, скит был закрыт. На его территории была организована колония для несовершеннолетних уголовников...

Неподалеку от Гефсиманского скита, в тех же темно-зеленых нестеровских лесах находились еще несколько уже закрытых монастырей. На север от скита - женская обитель Киновия с небольшой белой церковью, а в километре от нее – мужской монастырь Черниговской Божией матери. Высокая красного кирпича колокольня до сих пор цела, и ее силуэт возвышается над лесом. Колокольню хорошо видно с насыпи железной дороги. В монастыре была большая подземная церковь с иконой Черниговской Божией Матери. Помню, как еще до закрытия этого монастыря, ранней осенью двадцать второго года мы с отцом приезжали в Посад и ходили туда на вечернюю службу. Был праздник. Запомнился яркий желтоватый свет от сотен свечей, ярко освещавших храмовую икону и громадный свод подземелья со стройными рядами черных фигур. Шла торжественная всенощная со множеством духовенства и прекрасным монашеским хором.

Южнее скита, на более открытом месте, был еще один монастырь - Вифания... Там были красивые пруды и березовые аллеи».

А вот какими запомнились Лавра и город Антонине Владимировне Комаровской. Впервые она увидела Посад в шестилетнем возрасте. «Гляди туда, скоро увидишь Лавру», – сказала мама, указывая вперед. И правда, за полем, слева по ходу поезда показалась

едва заметная верхушка колокольни. Потом они пропали за горизонтом, снова выглянули – чуть больше, и, наконец, открылась уже совсем, вместе с куполами соборов и окружавших ее церквей, освещенных вечерним солнцем. Мы подъезжали к Посаду. В вагоне многие стали креститься. Показались разноцветные домики с палисадниками, тут и там виднелись церкви. И надо всем – уже близкая Лавра.

Вокзал был деревянный, выкрашенный в охру, с надписью "Сергиев Посад", тогда еще с твердыми знаками (1922 г. – Т.С.). За ним небольшая площадь со стоящими на ней рядами извозчиками со старыми пролетками...

Вероятно, на следующий день после приезда мы были в Лавре. Благодаря тому, что дядя Юрий Олсуфьев работал в музее, а сторожами были там знакомые монахи, нас провели в закрытый тогда Троицкий собор, показавшийся мне тогда очень большим, высоким и темным. Мы приложились к раке преподобного Сергия... Моей матери показывали икону "Троица" Рублева, рядом с ней стояла большая риза с этого образа. Вокруг соборов было множество могил с часовнями и памятниками над ними. Все еще оставалось таким, как было прежде. Лавра была пустынной, было ощущение торжественности, молчания, его не нарушали лишними разговорами. Мы долго пробыли внутри Святых ворот перед картинами из жизни преподобного Сергия. Их впоследствии заменили другими, а мне запомнились те, прежние, доходчивые, особенно для детей. Преподобный Сергий с медведем, Сергий молится над умершим мальчиком, видит видение – светлых птиц и другие. Я сама могла прочесть все надписи под этими картинами и запомнила все житие...». Такими были первые впечатления.

О 1923–1928 годах Комаровская вспоминала: «Перед Рождеством мы серьезно говели, я – впервые в жизни. С неделю по вечерам ходили в церковь, читали правило. К исповеди и причастию пошли в Гефсиманский скит. Исповедь шла в помещении под храмом. Ожидали в коридорчике на скамейке, над которой висела картина, изображающая путь души человека от рождения до смерти. Дошла моя очередь, я с трепетом вошла в комнатку, где, как мне показалось, в тумане, скромно стоял перед аналоем отец Порфирий. Был он со мной очень ласков, но в облике его была глубокая серьезность...

Наступило Рождество, Великий праздник, к нему все готовились и с радостью его ждали... Праздничная служба, дома – елка, украшенная не только склеенными нами цепями, домиками, корзиночками, золочеными орехами, яблоками, пастилой, но только появившимися в московских магазинах серебряным дождем, шарами, стеклянными бусами...

На масленице морозы смягчились и дороги потемнели. В конце недели в городе было праздничное катание по Вифанке и дальше по кругу, в два встречных ряда. Окрестные крестьяне приезжали в эти дни на гулянье в расписных или обитых коврами санях, с украшенной лентами и бумажными цветами сбруей. Сквозь эти двойные движущиеся ряды было трудно пробиться. Запомнились восхитившие меня одни санки, как бы серебряные, с изморозью, как в сказке "Снежная королева". Катающиеся, нарядно разодетые, с достоинством поглядывали на любующихся или прохожих. Все это было так,

как изображено на картинах Юона. В последующие годы эти гуляния, кажется, не повторялись (эти воспоминания относятся к 1925 году – Т.С.)».

Вскоре после приезда в Сергиев В.А. Комаровский поступил на службу в Комиссию по охране памятников искусства и старины Троице-Сергиевой Лавры. Он делал копии с миниатюр, с памятников шитья XV века и пр., а также написал несколько видов лавры и интерьеров жилых покоев для архитектурного отдела Сергиевского музея. Участвовал в выставках Сергиевского общества художников «Клич», написал по заказам несколько икон, писал портреты. В 1924– начале 1925 года им были созданы «Автопортрет на красном фоне», «Семейный портрет с детьми», «Семейный портрет» (с Мансуровыми), портрет Ю.А. Олсуфьева и несколько портретов о. Павла Флоренского.

Флоренский очень высоко ценил творчество В.А. Комаровского. Он писал заведующему художественного отдела журнала «Маковец» Н.М. Чернышеву: «...считаю своим долгом обратить внимание "Маковца" на двух художников, шедших разными путями и пользующихся разными приемами. Вообще разных, но пришедших к единому истоку... Один из них Нина Яковлевна Ефимова... Другой художник – это Владимир Алексеевич Комаровский, он идет от французов и от русской иконы, но в противоположность стилизаторам (Стеллецкому и прочим), он живет не красками, а той реальностью, для передачи которой... (далее не разобрано в подлиннике). Это большой художник, с каждым месяцем делающий шаг вперед. Он ищет конкретного выражения в живописи самого сердца реальности и достиг успехов, которым трудно поверить, не видя его работ. Теперь моя мысль о необходимости пригласить этих двух в "Маковец" на выставку...».

Художники группы «Маковец» главным в творчестве считали духовность. Им был особенно близок жанр портрета. Они стремились к символической, драматически-философской трактовке образов. Это было близко о. Павлу, разграничивавшему реализм и натурализм. Он писал: «Хочется потрогать рукою, когда перед нами плоский холст, – этот триумф натурализма не есть ли обман, временно удавшийся и показывающий то, чего нет на самом деле. Да и зачем возбуждать в зрителе неудовлетворимое желание взять рукою написанное яблоко, когда он может успешно проделать это с настоящим».

К портретам о. Павла, созданным Комаровским, можно отнести слова Флоренского, сказанные им о ликах – изображениях святых: «Высокое духовное восхождение осиявает лицо святоносным ликом, изгоняя всю тьму, все невыраженное, недочеканное в лице, и тогда лицо делается художественным портретом самого себя».

В.В. Розанов говорил об о. Павле Флоренском: «...мне порой кажется, что он святой: до того необыкновенен его дух, до того самобытен». Вот эту святость облика и смог передать художник в портретах о. Павла. Совпадали взгляды Флоренского и Комаровского и на взаимоотношение живописи и иконописи. «Икона и иконопись во всем противоположны живописи как таковой... – писал Комаровский. – Живопись (в полном развитии своих законов) стремится к тому, чтобы дать душе и воображению зрителя возможно сильное движение к мечтательному исполнению мира сего до бесконечности. Каково действие иконы, как таковой, то есть некоего образа, выраженного

или, вернее, явившего себя в пластической форме? Действие ее таково же, как молитвы и, в высших выражениях, как таинства».

Флоренский же писал: «Всякая живопись имеет целью вывести зрителя за предел чувственно воспринимаемых красок и холста в некую реальность, икона имеет целью вывести сознание в мир духовный, показать "тайные и сверхъестественные зрелища"».

К сожалению, Комаровскому не пришлось долго общаться с о. Павлом, не пришлось задержаться в Сергиеве. Его арестовали в апреле 1925 года. Он по-прежнему отвечал на допросе, что является монархистом. Позднее он так пытался объяснить свою позицию: «...считаю себя во время всей моей сознательной жизни монархистом. Я в то же время никогда не принимал никакого участия в общественной политической жизни, не принадлежал ни к каким монархическим обществам и союзам... не служил на государственной и военной службе и лишь во время войны в 16-м и начале 17-го года служил в Земском Союзе помощи раненым. Вообще, будучи по призванию художником, никогда не интересовался общественной и политической жизнью... Я по-прежнему считаю, что монархия есть та форма государственного устройства, которая может соответствовать нравственному идеалу...».

Многие старались помочь Комаровскому. Коллективное письмо в его защиту подписали художники В.А. Фаворский, П.И. Нерадовский И.С. Остроухов, Д.Ф. Богословский, скульптор И.А. Андреев, архитектор А.В. Щусев. В ходатайстве говорилось, что Комаровский, «обладающий особенно редким у нас декоративным дарованием и знаниями в области декоративного искусства, мог бы с большим успехом быть использован на пользу Республики». Авторы обращали внимание властей также на то, что у художника трое малолетних детей, и что он болен язвой кишечника. Щусев послал и отдельное письмо. Вступился за художника Также музейный отдел Главнауки – письмо было подписано зам. заведующего Главнаукой и зав. музейным отделом Н.И. Троцкой.

Но все было напрасно. В деле записано, что Комаровский «б[ывший] дворянин, граф, по политическим убеждениям монархист (по его собственному заявлению), обвиняется в антисоветской деятельности и в принадлежности к монархической группировке бывшей аристократии».

Его на три года выслали на Урал, в город Ишим. Все это время он беспокоился за семью, оставшуюся в Сергиеве и не имевшую средств к существованию. Иногда ему удавалось найти работу: покрасить крышу или забор, сделать вывеску. Но органы госбезопасности бдительно следили, чтобы ссыльный не устроился на постоянное место. Так, в деле Комаровского хранится письмо из ОГПУ в отдел «Хлебопродукта», предписывающее отказать ему в принятии на службу под каким-либо предлогом. В дело подшиты и многочисленные донесения о разговорах, которые ссыльные вели между собой, протокол обыска и т.п.

Не оставляла тревога о семье, поддерживала только вера. В 1927 году он писал жене: «...у меня ужасно мало работы, и не предвидится, и это связано, значит, с полным бессилием и невозможностью тебе помочь, а чувствую каждую минуту, как должна быть велика твоя нужда и как трудно тебе. Я вот прихожу в уныние, когда нет денег и работы, а каково тебе с детьми! Милая моя, дорогая, вся надежда на Бога и добрых людей, которых

все-таки много... Я верю, что Господь и Божия Матерь, которые столько уже нам дали милости, и теперь не оставят нас».

Весной 1928 года срок ссылки Комаровского кончался, а в мае в Сергиеве прошли массовые аресты. Варвара Федоровна избежала опасности случайно: в ночь арестов она была в Москве. Утром, на пути с вокзала домой, она встречала знакомых, здоровалась с ними, не поняв, что они арестованы, и их ведут в тюрьму. Дома дети сказали, что за ней приходили. Варвара Федоровна сразу же уехала из города.

Поселились Комаровские в одной из деревень близ Измалкова. Владимир Алексеевич, вернувшись, брался за любую работу, чтобы прокормить семью: делал технические рисунки, чертежи. В 1929 году семья увеличилась – родился сын Федор (1929–?).

И тут Комаровский получил неожиданный заказ: расписать церковь Святой Софии Премудрости Божией на Софийской набережной в Москве. Заказ был удивительный: священник Александр Андреев затеял эту работу в то время, когда церкви по всей России закрывались. Художник неделями не выходил из храма, часто работал и по ночам. Но уже в следующем году церковь закрыли, и в ней разместился клуб «Союза безбожников». Отца Александра арестовали и выслали в Казахстан.

Весной 1930 года Комаровский только случайно избежал нового ареста: когда за ним приехали, успел выйти из дома и скрыться в лесу, где и провел ночь. В результате он простудился и заболел воспалением легких. Лежал он не дома, а у своих родственников Самариных в Москве, на Поварской. Однажды услышал разговор, доносившийся с улицы, и понял, что за ним следят. Тут же больной уехал в Верею к М.Ф. Мансуровой, где и провел несколько месяцев. Там он встретился со священником Сергеем Мечёвым. Итогом духовного общения с ним стало большое письмо, в котором художник изложил свои мысли об иконописи и возможности ее возрождения.

Осенью 1930 года Комаровский вернулся в Москву и вскоре был арестован. Месяц он провел на Лубянке и в Бутырской тюрьме, затем его отпустили.

В начале 1931 года семья переехала в поселок Жаворонки близ станции с тем же названием по Белорусской железной дороге. Комаровский выполнял случайные заказы, работал в издательствах, расписывал ресторанный зал Казанского вокзала и пр.

В начале 1934 года его снова арестовали. На этот раз за недоносительство на князя М.Ф. Оболенского, предполагавшего бежать за границу. Оболенского обвиняли в организации «Российской национальной партии по образцу германской фашистской партии со штурмовыми отрядами и специальными молодежными организациями на предприятиях и в учреждениях». Два месяца Комаровский находился в Лубянской тюрьме. Арестовали и его сына – девятнадцатилетнего Алексея, который получил впоследствии три года лагеря. А Владимира Алексеевича тогда отпустили.

Ему еще раз довелось выполнить работу для церкви: роспись алтарной части храма на городском кладбище в Рязани. Видимо, его пригласил тот же священник, о. Александр Андреев, который до ссылки был настоятелем Софийской церкви, а после ссылки попал в Рязань.

Двадцать седьмого августа 1937 года Комаровского арестовали в последний раз. К тому времени его жена уже давно тяжело болела: поражение спинного мозга лишило ее

движения. Владимир Алексеевич сам кормил ее с ложки, молился вместе с нею. Когда за ним пришли, Варвара Федоровна не могла даже подняться с постели, чтобы проводить. Последние его слова, обращенные к жене и детям, были: «Молитесь Божией Матери».

Проходил он по так называемому делу «Контрреволюционной нелегальной монархической организации церковников-последователей ИПЦ (Истинно Православной Церкви)». Получить признание у Комаровского не удалось. Он заявил, как записано в протоколе: «Я верующий православный человек, признающий старую церковь никоновского направления. С политикой Советской власти имею расхождения только в вопросах религии и Церкви. Я считаю истинной христианскую религию, т.е. то, что Советская власть не признает и с чем она активно борется».

Его расстреляли 5 ноября 1937 года на Бутовском полигоне. Семье сообщили: «10 лет без права переписки».

Имя Владимира Алексеевича Комаровского внесено в книгу «За Христа пострадавшие» (М., 1997, кн. I).

Сохранилось мало его работ. Погибли иконостасы, стенные росписи (сейчас раскрыто несколько фрагментов в Софийской церкви), утеряны его работы, сделанные для Сергиевского музея, пропали почти все картины, присланные из Ишима.

Сохранился портрет Ю.А. Олсуфьева, портреты П.А. Флоренского (в музее-квартире священника Павла Флоренского в Москве), несколько рисунков, акварелей и эскизов уцелело у дочери художника, Антонины Владимировны. Несколько эскизов церковных росписей она передала в Церковно-исторический музей Свято-Данилова монастыря. Туда же передана Донская икона Божией Матери, написанная для часовни под Измалковым. Когда часовню разобрали, в сельсовете эту большую икону, перевернув, использовали как доску для стола. Ее удалось найти в конце 1960-х годов.

Две работы В.А. Комаровского находятся в Государственном музее искусств Каракалпакии.

Он не смог сделать всего того, что хотел, к чему стремился, но его имя навсегда останется в истории искусств как зачинателя русской иконописи XX века.

Варвара Федоровна Комаровская с детьми после ареста мужа еще около года жила в Жаворонках, потом хозяева их выселили. Она поселилась с младшими детьми в Вере, но скоро слегла совсем. Голицыны, жившие в Дмитрове, помогли ей найти жилье в этом городе. Умерла она во время войны.

После смерти матери ее дочь Софья Владимировна ранней весной 1942 года пришла пешком из Дмитрова в Загорск, где в доме на Валовой жила дочь ее няни. В Загорске она окончила курсы медсестер и работала потом в детских учреждениях Загорска и Хотькова. Была замужем за графом Николаем Николаевичем Бобринским, родила сына Алексея.

Федор Владимирович Комаровский с весны 1942 года тоже жил в Загорске, учился в ФЗУ и окончил вечернюю школу. После службы в армии учился в Мытищинском машиностроительном техникуме, работал на Загорском оптико-механическом заводе. С 1959 года живет в Риге, откуда родом его жена.

У него две дочери – Варвара и Любовь. До выхода на пенсию работал инженером.

А старшие дети Комаровского связь с Загорском утратили. Алексей Владимирович отбыл три года в Мариинском и Кемчугском лагерях в Сибири (обвинение по ст. 58 п. 10), приобрел там специальность проектировщика-строителя. Голицыны помогли ему устроиться на строительство канала Москва–Волга в Дмитрове. Потом он работал на строительстве гидроузла в Куйбышеве. Всю войну служил в саперных восках. После войны работал главным специалистом по вентиляции и отоплению в институте городского строительства в Литве.

Антонина Владимировна окончила заочно Институт иностранных языков и в 1937 году поступила на работу в Литературный музей научным сотрудником, но в 1940 году была уволена. Окончила учительские курсы английского языка. В июне 1942 года, после отказа сотрудничать с органами НКВД, была выслана из Москвы в Кировскую область как член семьи репрессированного (без указания срока). Жила в городе Уржуме, работала в колхозе, потом – на самых разных работах. Закончила Воронежский пединститут, который был эвакуирован в Кировскую область, потом – курсы счетоводов. В ссылке она пробыла десять лет. Но и после освобождения не смогла вернуться в Москву – не давали прописки. Прописаться удалось в городе Боровске Калужской области, где тогда жила М.Ф. Мансурова. Но найти работы там ей не удалось, и Антонина Владимировна «добровольно» вернулась в Киров. Но и там ее не прописали. Жила в деревне, за год ей девять раз пришлось сменить работу.

Потом ее пригласила к себе в поселок Рыбное Рязанской области Ксения Петровна Трубецкая (урожденная Истомина) – туда был переведен из Москвы НИИ пчеловодства. Там Комаровская работала в институтской библиотеке. И только в 1965 году ей удалось вернуться в Москву и восстановить прописку (была прописана у графов Бобринских с 1938 года). Она работала в библиотеке Московского общества испытателей природы при Московском университете.

Антонина Владимировна много занималась обработкой архивов своих родных. Большая часть сведений, которые содержатся в этом очерке, получена от нее. К Комаровской часто обращались сотрудники Свято-Тихоновского Богословского института и других учреждений с просьбами помочь в составлении комментариев. Она поддерживала связи с многочисленными родственниками, живущими и в нашей стране, и за границей. Сохранила графические произведения своей родственницы Марии Михайловны Осоргиной, полученные по завещанию художницы из Франции, благодаря чему в Сергиево-Посадском музее-заповеднике прошла в 2002 году выставка «Образы минувшего». В дальнейшем выставка работ Осоргиной была осуществлена и в Музее-заповеднике А.С. Пушкина «Большие Вяземы». Скончалась в 2002 году.